

Н. Колесникова,
журналист

Прикосновение к прекрасному

Престиж той или иной профессии падает или возрастает в зависимости от веления времени. В наше время, когда партия и государство все большее внимание уделяют вопросам сохранения культурного наследия прошлого, особое значение обрела профессия реставратора. Сколько бесценных сокровищ национальной культуры было возвращено к жизни их скромным, кропотливым, поистине подвижническим трудом. Тем, что у нас есть (и у будущих поколений будут) Суздаль и Новгород, Ясная Поляна и Павловск, чудо на Нерли и многое другое, мы обязаны реставраторам.

Есть у этой профессии и огромный нравственный подтекст: реставратор не просто возвращает утраченный облик старинного здания, картины, книги — он восстанавливает память, заключенную в этих вещах. Память народа. Благодаря этой способности — помнить, памятовать — человек сохраняет не только историю своего рода, народа, но сохраняет и самого себя. Недаром одним из самых страшных злодеяний издревле у всех народов считалось то, которое лишало человека способности помнить. Человек без памяти перестает быть человеком.

Много ли мы знаем имен реставраторов? Как часто они остаются в тени, меркнут в ярком свете восстановленных ими шедевров. Писатель В. Курбатов однажды образно сказал, что имя реставратора подобно лесам при строительстве зданий. Вот оно выстроено, а леса убраны, словно их и не было. Да и вряд ли кто задумается, любуясь красотой постройки, что без лесов ей бы тут и не стоять. Думается, что сравнение хоть и меткое, а быть так не должно. Мы должны знать и чтить имена тех, кто «возводил леса», кто восстановил для нас, скажем, картину Рембрандта или старинный

дом на одной из улиц города, в котором мы живем...

Пожалуй, нет такого города в России, где труд реставратора был столь же заметен и ощущим, как в Новгороде. Изуродованный, разрушенный фашистами, он был фактически заново выстроен после войны вместе со многими своими древнейшими памятниками. Работы по восстановлению и консервации памятников в Новгороде и области продолжаются и по сей день. Слишком много было утрат, слишком мало сил и специалистов. Среди имен тех, кто начинал восстановление города, с особым уважением называют имя архитектора-реставратора Леонида Егоровича Красноretchева.

...Когда я приехала в Новгород, чтобы собрать материал для очерка о Красноretchеве, обнаружилось, что кое-что о нем мне уже известно. Памятники, которые он восстановил в городе, были знакомы и любимы с детства. И выходило так, что своей любовью и привязанностью к Новгороду я обязана Красноretchеву в не меньшей степени, чем древнему мастеру Петру, бывшему, по преданию, первым зодчим Новгорода. Петр создал, враги разрушили, Красноretchев воссоздал. Трудно сказать, чья миссия теперь для нас важнее... Без одного не было бы другого. Они неразделимы. Можно только сказать, что реставратору приходилось труднее. Первостроитель творил по своему проекту, он мог вносить изменения. Архитектор-реставратор очень часто свою работу делает, так сказать, на ощупь, по чутью, опираясь на фотографии, рисунки или записи в летописях, и менять что-либо или добавлять не имеет права. Ведь он имеет дело с памятью...

Бережное отношение к памяти... Как, когда и где формируется оно у человека? Наверное, как и все основное, закладывается с детства. Красноretchев рос в войну, и самым ярким воспоминанием детства остался у него пожар в родной калининской деревушке. Деревня сгорела быстро, ее жители едва успели до леса добежать, а оглянулись — родных домов как не бывало. Горя особого его детская душа тогда не почувствовала, а почувствовала удивление разрушительной силой огня — как быстро! Это потом, уже после войны, став взрослым, Леонид Красноretchев в работе своей прочувствовал всю горечь несправедливости: на созидание куда больше времени требуется, чем на разрушение. И не мог этому не воспротивиться. Профессия, которую он получил в Ленинградском архитектурно-строительном техникуме, была призвана противостоять разрушению. Он не просто собирался строить, а — восстанавливать разрушенное.

И еще одно воспоминание живет в нем с той поры. Пока пробирались они лесами в другую деревню, мать все учила: «Смотри, Ленка, ежели что, не забудь фамилию свою да имя деревни, откуда ты родом...» Где она, родная деревня? Ведь он своими глазами видел, как сгорела дотла. Скажешь, никто и не поверит: а была ли? «Была, сынок, и будет, ты только запомни хорошенько...» Так прививалась ему память.

Горела в то время не одна их калининская деревушка, да не мог он тогда об этом знать. Вся Русская земля напоминала собой огромное кострище. И в древнем центре ее, великом Новгороде, совершалось страшное — там уничтожалась память многих поколений. Взлетали к небесам и падали на землю купола вековых

Музей
деревянного
зодчества
«Витославицы».
Никольская
церковь из села
Мякишево.

«Витославицы». Успенская церковь из села Курицко.

церквей, рассыпались в прах фрески Феофана Грека и его учеников, памятник тысячелетию России был снят с пьедестала, разобран и приготовлен к отправке в Германию...

Человеку не дано знать, как образуются линии его судьбы. Это потом, когда она уже сложится, он вдруг находит в ней удивительные стечения обстоятельств, что привели его к тому или иному жизненному результату. В судьбе Красноречьева все шло к тому, чтобы привести ее в Новгород. И учился он недалеко — в Ленинграде, и любимый преподаватель истории архитектуры А. Кубасов как-то особенно болел душой за разрушенный Новгород.

«Витославицы» Крестьянский дом.

Показывал фотографии — каким город был до войны и каким после. Глядя на снимки руин, пепелищ, городских развалин, Красноречьев поневоле вспоминал большой костер в своей маленькой деревушке и слова матери о том, что все будет живо, если жива будет память. Он попросил направить его на работу в Новгород...

Осенью на озеро Мячино прилетают лебеди.

Однажды село сразу три стаи. Белым-белом! Мы с Красноречьевым идем по дороге вдоль озера. Затянувшаяся зима держит его подо льдом. Лед и лебеди — одного цвета, и потому, слушая рассказ Леонида Егоровича, легко можно представить, как это бывает красиво.

Как-то раз, прошлой зимой, здесь неожиданно появились горностаи. Заповедник был тогда похож на королевскую мантию... Сейчас вот бобры появились, их плотники видели. Но лучше всего приезжать сюда весной: соловьи поют — заслушаешься...

И становится понятно, что музей-заповедник деревянного зодчества нравится ему во всякое время года, при любой погоде. Так нравятся матери ее дети.

Вся деревня с домами, церквями, колодцами, мельницами — образцы уникальной народной архитектуры — была им найдена и перевезена из сел Новгородской области сюда, на Орловскую мызу, близ Юрьева монастыря. Место, удивительное по красоте, тоже выбрал (и отстоял) он: с одной стороны Волхов-река, с другой — озеро Мячино. В совсем уж древние времена стояло тут небольшое селцо под названием Витославицы. Всего и сохранилось от него — одно имя и упоминание в летописи. Но и этого хватило, чтобы место не осталось сиротливо безымянным. И как-то само собой получилось, что древнее название стало именем музея. Создаваться он стал лет пятнадцать назад. Срок небольшой, но Новгород уже гордится этим новым музеем.

Трудно выяснить теперь, кому первому пришла в голову идея создать такой музей. Добрые идеи, что называется, витают в воздухе и как будто ждут встречи с человеком, которому они по плечу. Когда приехал в Новгород известный реставратор — «деревянщик» А. В. Ополовников с проектом реставрации и перевоза Курицкой церкви, Красноречьев подумал: быть того не может, чтобы в лесных, отдаленных, труднодоступных районах области больше ничего не сохранилось...

У памяти есть одно удивительное свойство — иногда она дает догадки относительно будущего. Как-то летом, в окрестностях Новгорода, родная, далекая, сожженная фашистами калининская деревушка вернулась к Красноречьеву образом дивного, почти сказочного села, вдруг выросшего на зеленых волховских лугах. В нем было все, чего не было в его родной деревне, но что имелось по частям в сотнях других сел, умерших или доживающих свой век. То явился ему образ музея-памятника русскому селу...

Красноречьев идет по улице музейной деревни как хозяин, зорко и придирчиво осматривая дома. Его интересует состояние дерева после огнезащитной пропитки. «Дерево — материал благородный, — говорит он, — в хороших руках послушный. Но два недостатка имеет: недолговечен и подвержен пожарам».

Вот и обработали бревна огнезащитным составом, а они порыжели.

«Некрасиво, — с досадой отмечает Леонид Егорович, — пестрит. Утратили подлинный цвет...»

У него, как мне рассказывали реставраторы, есть какое-то природное чутье на подлинность памятников. В первые годы своей новгородской жизни Красноречьев обследовал область (это сейчас в поисковую экспедицию на автобусе ездят, а в то время он пешком ходил, один либо с женой) и нашел памятники. И до сих пор продолжает находить. Везучесть! — считают многие. Я бы согласилась. Ему везет, как везет взаимно влюбленным. Они хотят встретиться и встречаются. Красноречьев любит народное зодчество, и любовь его действенна: он ищет, чтобы спасти. И памятники словно вырастают на его дороге.

— Мы, реставраторы, работаем, как аварийная команда, — если опоздаем, то все эти постройки исчезнут безвозвратно, — заметил он сухо.

Все ждалось: на фоне спасенных им памятников он непременно заговорит о значении их в жизни человека, заговорит и приоткроет чуть-чуть свою душу. Но Красноречьев ничего такого не сказал, и я поняла, что он никогда врозь не думал об этих вещах — своей жизни и памятниках. Они нераздельны. Вопрос, какая все-таки постройка в музее ему особенно дорога, он долго обдумывал, даже закурил: «Дороже те, что труднее достаются». И кивнул на груды бревен, возле которой сустились плетники — пять человек, его немногочисленная бригада.

Это был новый, недавно привезенный экспонат музея — памятник из Реконьского монастыря.

В Реконьскую пустошь они ходили два года назад небольшой группой: он, его жена Наталья Михайловна, Людмила Андреевна Филиппова — директор музея «Витославицы» и ее дочь Галя. Молва донесла, что на

территории монастыря стоит древняя деревянная церковь. Надо было проверить... Они шли на ощупь. Гати, некогда настланные монахами, съело болото. Никаких примет дороги. Впереди шел Леонид Егорович. Добрались-таки. Монастырь был давно заброшен, а церковь уцелела. Могучая. Сделали обмеры, зарисовки.

С этой находкой Красноречьеву еще немало хлопот было. Разбирали постройку вручную — ни одна машина до монастыря доехать не могла. Для перевозки потребовался вертолет — такой техники в их реставрационной

«Витославицы». Храм Рождества Богородицы из села Передки.

«Витославицы». Реставрация крыши деревянного дома.

«Витославицы».
Никольский
храм из села
Тухоля.

мастерской нет и долго еще не будет. Раздобыли вертолет в другом городе. Один рейс неудачным оказался — трос оборвался. Леонид Егорович полез в болото искать потерянные бревна. Нашел, но вертолет зависнуть над этим местом не мог — мешали деревья. А болото не дремлет, надо спешить. И Красноречьев вместе с плотниками стали лес на болоте рубить... Воспоминания об этом случае зажгли огонь азарта в его глазах — хоть сейчас в болото, опять те бревна спасать! И вдруг спохватился: это не для статьи!

Ему показалось, будто выглядит это как хвастовство. Что за свойство такое у русского характера — стесняться показать себя слишком хорошим?

А то вот еще как бывало. Стоит у всех на виду постройка — уродина уродиной, какой-то немислимой конструкции. Ничего интересного — заключают многие. А Красноречьев возьмется за дело, обмеряет, прикинет, с аналогами

сравнит и докажет древность ее и уникальность. Отреставрирует, очистит от многовековой строительной скорлупы, и явится миру такое чудо, что не только туристы, но и специалисты ахнут. Вот оно — стоит в конце улицы музейной деревни Рождественская церковь из села Передки. Величественная, а не строгая, опоясанная галереей с высоким трехсходовым крыльцом, похожа она скорее на сказочный терем, чем на храм. Это один из самых древних экспонатов музея, первое упоминание о нем было в 1593 году. Красноречьев, присмотрев ее в 1959 году (то есть более чем через 350 лет), чутьем архитектора почувствовал не только таящуюся в ней красоту, но и близкую беду (тут уже чутье реставратора сработало) — у памятника была сильная деформация сруба, того и гляди рухнет. Он настоял на реставрации и перевозке.

Почему перевозят памятники? Иногда потому, что создается музей. Ну, а подчас вы-

нуждают и печальные обстоятельства. Не везде еще к памятникам почтительное отношение. Прав был В. И. Даль, утверждавший, что есть два вида памяти — внешняя и внутренняя. Первая — «безотчетное знание» наизусть имен, цифр, событий. А вторая — свойство души, хранящей сознание о былом. Много еще у нас, к сожалению, людей с «безотчетным знанием». И мало — «со свойствами души». Но это не врожденное. Приобретается. Прививается. Будем надеяться, что привьется. На это сейчас направлена большая работа и Всероссийского общества охраны памятников и всего нашего государства.

А пока... Обнаружил Красноречьев недавно в одном селе водяную мельницу. Таковых в области практически не осталось. Взяли находку на учет, оповестили районные власти. Проект сделали. Приехали перевозить — мельницы нет. Разобрали ее местные жители на дрова. Обидно. Никому она вроде не мешала, в сторонке стояла. До войны мельница действующей была, в войну — молот уже нечего было, а после войны — другая техника появилась. Но разве плохо было — стояла она у реки как воспоминание о плохих и хороших годах, как украшение окрестности. И село ею приметно было. Но никто не остановил руки, разрушающей эту примету... Реставраторов мало, они везде поспеть не могут.

У новгородцев, хорошо знающих историю восстановления города и области, пыталась я узнать, сколько памятников архитектуры восстановил заслуженный деятель культуры РСФСР архитектор-реставратор Леонид Егорович Красноречьев. Несколько раз начинала список в блокноте, но никогда не заканчивала, потому что дальше рассказчики увлекались описанием достоинств памятников, сложностью выполненной работы. Не смогла помочь и жена Красноречева — Наталья Михайловна, искусствовед по образованию. Искала она у себя в столе список, который они приготовили, когда Леонида Егоровича к званию представили, да не нашла. Улыбнулась: «Затерялся...»

А его вот что волнует: хватит ли времени? Столько он работы себе наметил. Тревожит его еще одна несоразмерность: быстротечность жизни человека и медлительность осуществления его планов. Вот он уже дед — внучка недавно родилась. А давнишняя мечта — восстановить разрушенную фашистами церковь Успения на Волотовом поле — так и осталась мечтой. Как же нужно любить свое дело, чтобы не о жизни быстротечной печалиться, а о том, что сделать намеченное не успеешь!

От первой работы до той, которой он сегодня с увлечением занимается — созданием музея деревянного зодчества, пролегла дорога (к концу командировки я все же узнала их число) почти в сто восстановленных памятников. Были среди них каменные, были и деревянные, значения мирового и более скромные, как та мельница, которую перевез он недавно из деревни Сидорково.

Его бывшая ученица, а теперь — непосредственный начальник — Нинель Николаевна Кузьмина завела меня в пустую комнату проектной группы — все ушли на обед. Наедине она была щедра на все самые добрые слова о своем учителе. Слова добрые, а сквозит в них какая-то горечь, словно что-то он делает не так. Потом вдруг вытащила из-за шкафа

лист: «Вы видели его графику? Такой ни у кого в мастерской нет. Это не чертеж, это искусство. Каждая линия что-то выражает — рассказывает о том, что было и что будет. Мы стараемся ему подражать, но не выходит... У него такой талант рисовальщика, но он не рисует».

— Почему? — спросила я.

— Мы его тоже спрашивали. Ответил, что жизнь надо чему-то одному посвящать, не разбрасываться. Он себя посвятил реставрации.

Разве талант — это отречение от многого во имя одного? Верность в природе таланта...

Ученики Красноречева — особый разговор. К его школе себя причисляют не только те, кого он в реставрацию за руку вводил, но также и те, кто просто с ним в одной комнате сидел! Есть вокруг Красноречева какое-то поле, и самое подходящее ему название — микроклимат памяти. Он ведь не просто возрождает облик памятников, а придает им новую ценность в глазах людей. Он посвятил себя тому, что укрепляет связь времен — прошлого, настоящего и будущего.

...Рассказывают, один известный художник задумал большую картину и искал город, где бы ему хорошо работалось и жилось. Он приехал в Новгород пасмурным дождливым утром. В такое утро все самое красивое может показаться скверным. Но он увидел, как смело прорезают серость неба купола знаменитых церквей. Потом он сел на автобус № 7 и поехал в Витославицы. И увидел там мельницу — самую обычную постройку из крестьянского быта. Она стояла напротив Юрьева монастыря и соперничала с ним красотой. Художник понял — все дело в том, что мельницу так поставили. Она образовала единое целое с этим лугом, небом, озером и рекой. И он решил остаться в Новгороде жить и работать.

Сотни и сотни тысяч людей трудятся, чтобы украсить нашу Родину...

«Витославицы». Храм Рождества из села Передки. XVI век.

